

Франц в основном перенес свою оперативную базу в их общую спальню, чтобы иметь возможность присматривать за женой, но как только он увидел, что я в плохом настроении, он коротко поцеловал ее и вернулся в свой кабинет, оставив нас наедине, чтобы поговорить.

"Что Алфеус сделал на этот раз?" - спросила она с легким смешком.

Она слишком хорошо меня знала. Он был единственным человеком в этом месте, который мог по-настоящему вывести меня из себя.

"Он не перестает дразнить меня насчет детей", - пожаловалась я. "Он знает, что я не готова к этому, но продолжает меня подначивать".

Мариэла не понимала, к чему я клоню. В ее мире брак всегда был политическим инструментом. Дети были случайной, но естественной частью этого.

Если бы ее ребенок не был под угрозой, она бы гордилась тем, что у нее есть потомство. Как бы то ни было, ее беспокойство не могло скрыть материнского чувства. Было очевидно, что она уже любит ребенка.

Я изо всех сил старалась объяснить, что у меня на родине все устроено иначе, не упоминая о медицинских технологиях вроде контроля рождаемости, которые она не понимает.

Я видела, что она старается поддержать меня, хотя и не понимала, почему эта тема меня так задевает. Она была в восторге, когда я согласилась стать мужем Эла, но не могла понять ход моих мыслей по этому поводу.

Даже если бы беременность не была проблемой, мне нужно было сначала пройти через этапы знакомства, чтобы сохранить рассудок. У меня не было точных терминов, чтобы объяснить свою ситуацию, но в основном это было похоже на то, что я пробовала его в качестве парня, чтобы понять, смогу ли я развить к нему чувства.

Сердце может быть упрямым. Поскольку Эл мне сначала не понравился, и я так долго дружила с ним, это было похоже на плотину, сдерживающую любые потенциальные романтические чувства.

Наши отношения сейчас были чем-то вроде приглушенной версии "друзей с привилегиями". Не то чтобы Мариэла или кто-то другой в этом мире знал, что это значит. Попытаться объяснить свои запутанные чувства было утомительно.

"Кэти... ты думаешь о вещах по-другому из-за своей родины.

Для Алфея говорить о таких вещах как супружеская пара - совершенно нормально".

"Я знаю, - сказала я кисло.

Я просто хотела пожаловаться, понятно? Разве это больше не разрешается? Девичьи разговоры дома всегда включали в себя разглагольствования о чем-либо.

Пора было сменить тему. Больше ничего полезного я от нее не добьюсь. Я задрала ноги на кровать, чтобы сесть, скрестив ноги, и ожидающе наклонилась вперед.

"Итак, ты уже придумала какие-нибудь имена для ребенка?"

Ее глаза загорелись при упоминании о ребенке, и она любовно погладила свой живот. "Да, мы

с Францем говорили об этом. Мы рассматриваем вариант Роланд Августин для мальчика и Диана Эстель для девочки".

Я бы никогда в жизни не назвала ребенка Роландом, но здесь имена были немного другими. По большей части они либо казались устаревшими, как будто так звали прабабушку или прадедушку, либо были полностью вымышленными. Я искренне надеялась, что смогу дать своим детям нормальные американские имена.

"Звучит неплохо", - одобительно сказала я. Я была уверена, что это совершенно прекрасные имена в Анналайе или Шибацу.

Я никогда не задумывалась о том, какие имена я дам своим будущим детям. Мои родители сами были довольно традиционными, называя своих дочерей такими устаревшими именами, как Катрина и Эбигейл, но они всегда называли нас по прозвищам, так что это не имело большого значения.

Правда, юридические вопросы немного раздражали. Мне вечно приходилось объяснять людям на приеме у врача, на новой работе или во время переключки в школе, что меня зовут Кэти. Катрина чувствовала себя странно, потому что я буквально никогда им не пользовалась.

Долгое время я даже не знала, что это мое имя.

Моя мама любила рассказывать историю о том, как когда мне было около трех лет, я одна играла в спальне моей двоюродной сестры, и моя тетя, которая до этого встречалась со мной только в младенчестве, позвала меня на обед, назвав Катриной.

Я не знала, что это мое имя, поэтому не отреагировала и продолжала играть.

Она нашла меня через двадцать минут, голодного и бредущего на кухню, чтобы перекусить. Она чувствовала себя ужасно из-за этого, но моя мама считала это уморительным.

Цветочные имена, такие как Лили и Вайолет, всегда казались красивыми. Может быть, когда-нибудь я смогу обсудить это с Элом. Далеко, далеко в будущем. Что касается имен для мальчиков... у меня ничего не было.

В дверь постучали, и служанка вошла внутрь, чтобы объявить о посетителе. "Кронпринцесса Росения пришла навестить вас во время болезни, ваше высочество".

Мы с Мариэлой обменялись обеспокоенными взглядами. Розения должна была знать, что я здесь; отказать ей было бы невероятно невежливо. Но почему она вообще здесь оказалась? Они с Мариэлой едва ли были вежливы!

Должно быть, ее прислал Зигмунд. Это может закончиться очень плохо.

<http://tl.rulate.ru/book/60710/2179263>